

Мир содрогнулся от удара неизвестного объекта, оставив после себя лишь руины и выжженную землю. Спустя двадцать лет, когда человечество возвело защитные базы, забрезжил рассвет новой надежды.

Ветер в центральных руинах приносил запах ржавого железа и гнилой земли, оставляя на лице ощущение мелкой, словно абразивной пыли.

Черные армейские ботинки Цзян Мобая ступали по хаотичным обломкам бетона, подошвы мгновенно покрывались густой, казалось, никогда не просыхающей грязью, характерной для этих мест.

Перед ним замерло чудовище с искаженным телом и обнаженными костями, его судороги только что прекратились. Зеленая, люминесцирующая кровь толчками вытекала из разрушенного надвое туловища, впитываясь в потрескавшуюся почву, словно расплзающийся зловещий мох.

Длинный клинок в его руке уже вернулся в ножны — движение было скупым, лишенным малейшей лишней суеты. Лишь несколько пятен зеленой крови на щеке да тяжелый запах сырого мяса в воздухе напоминали о недавней короткой, но смертельной схватке. Он даже не взглянул на труп, просто поднял коммуникатор. Его металлический корпус был холодным.

— Ш-ш-ш... —

Электрический треск упорно сопротивлялся, прежде чем связь наконец стабилизировалась.

— Зачистка центральных руин завершена. Готовлюсь к патрулированию прилегающей территории, — его голос звучал ровно, в нем не чувствовалось отголосков недавнего убийства, словно он докладывал об обычной рутине.

Пятая модель коммуникатора, которой так гордился отдел научных исследований, здесь вела себя как старик, страдающий чахоткой.

Он обернулся. Взгляд скользнул по фигуре Ань Мяня, который неподалеку стряхивал пыль с куртки. Юный Судья-исполнитель выглядел до неприличия опрятно, совершенно не вписываясь в этот пейзаж разрухи.

— Ань Мянь, возвращайся.

Ань Мянь показал ему жест о'кей, поднял большой палец вверх, и на его лице отразилось нескрываемое восхищение:

— Круто! Ты просто зверь! Ну, тогда оставляю всё на тебя!

Не успел он договорить, как его фигура уже стремительно метнулась в сторону базы, словно каждая лишняя секунда здесь была для него пыткой.

Цзян Мобай зашагал в сторону прилегающего района, отделенного от центра руин лишь одной стеной. Липкое ощущение на лице не проходило — это была кровь монстра.

Он давно привык. С того самого момента, как очнулся в холодной питательной среде и получил это тело, названное Судьей-исполнителем, сражения, зачистки и патрули стали единственным циклом его жизни.

Двадцать лет назад падение загадочной сферы принесло не только разрушение, но и странную энергию. Человечество построило базы на руинах, огородив последнее пламя жизни.

А эта энергия стала дамокловым мечом, нависшим над выжившими: вдохнув её, человек с тридцатипроцентной вероятностью становился одаренным, но с семидесятипроцентной — превращался в бездумного мутанта, чья кровь становилась такой же густой, ядовито-зеленой и жуткой, как та, что была сейчас у него под ногами.

Чтобы противостоять растущему числу мутантов, ученые базы пошли на риск, попытавшись соединить эту энергию с магнитными осколками, найденными внутри сферы и обладавших противоположными свойствами. После тысяч взрывов и неудач выжили лишь пятеро экспериментальных образцов.

Их называли Судьями-исполнителями. Они выглядели как люди, но обладали силой, превосходящей человеческие пределы. Они были и защитниками, и оружием.

Цзян Мобай был сильнейшим из них. Поэтому он охранял самый опасный участок — центральные руины. Здесь, вблизи темно-коричневой сферы, ставшей источником всех бед, магнитные поля были настолько хаотичными, что даже коммуникаторы отказывались работать.

Миновав изоляционную стену, он перешел из мертвой тишины в атмосферу отчаянной суеты.

Прилегающий район — это низы базы, «серая зона» торговли ресурсами и место сбора изгнанников. Если ехать сюда на поезде из центра, пейзаж за окном стремительно меняется: стройные высотки уступают место разбитым стенам и руинам.

Отряд одаренных только что закончил обход. Заметив его, командир отряда вытянулся и отдал честь:

— Докладываю, господин Судья Цзян! Район проверен, новых случаев поглощения аномальной энергии не выявлено. — Командир помедлил и добавил: — Обнаружены два трупа, пораженных энергией, без признаков жизни — мужчина и женщина. Отправлены в генетический отдел на экспертизу.

Цзян Мобай едва заметно кивнул. Отряд быстро удалился.

Он уже собирался идти дальше, но странный отклик в груди заставил его остановиться. Это была не боль, скорее ощущение солнечного луча, пробившегося сквозь мглу и мягко коснувшегося самых глубин его естества. Магнитный осколок, вживленный в его тело, отозвался тонким, приятным резонансом. Он никогда раньше не испытывал такого тепла.

Он инстинктивно прижал руку к груди и, следуя за этим зовом, перевел взгляд на угол узкого переулочка.

Там, сжавшись в комок, сидел подросток лет двенадцати-тринадцати, совсем худенький. Грязь почти скрывала его кожу, и лишь глаза сияли удивительно ярко, словно запыленные драгоценные камни, отбрасывающие отблески в темноте.

Он крепко прижимал к себе потертую кожаную сумку. Увидев форму Судьи-исполнителя на Цзян Мобае, он на мгновение напрягся, но тут же заставил себя расслабиться.

Это не мутант, решил Цзян Мобай. Но тот странный резонанс исходил именно от него.

В голове мелькнуло смутное чувство узнавания, такое быстрое, что ухватить его не удалось, оставив лишь легкое покалывание. Он опустил веки, отгоняя неприятное ощущение, и когда снова поднял взгляд, его голос, вечно холодный, под влиянием этого тепла стал мягче:

— Что-то случилось?

Подросток, Цзи Сюньмо, поднял голову, глядя на Судью, стоявшего против света.

Слухи, которые шептали соседи, оказались правдой: это лицо действительно обладало тем, что заставляло людей терять дар речи.

Черты лица были холодными и четкими, кожа — бледной, как у человека, который никогда не видит солнца, губы — бледными, словно лепестки сакуры, вымоченные в воде. Когда он смотрел сверху вниз, его длинные ресницы, похожие на крылья бабочки, придавали ему отстраненный, хрупкий вид, создавая странный и резкий контраст с окружающей разрухой.

Цзи Сюньмо глубоко вдохнул и достал из своей драгоценной сумки пожелтевший конверт. Он был плотно запечатан, казалось, его никогда не вскрывали. Собравшись с духом, мальчик протянул его вперед.

— Это вам.

Цзян Мобай сначала вытер кровь со щеки еще относительно чистым рукавом, и только потом

взял конверт. Пальцы коснулись грубой бумаги, и он осторожно вскрыл его.

— Чье это?

— Моего отца.

— Почему ты отдаешь это мне?

— Он сказал... что вам это пригодится.

Цзи Сюньмо ответил честно, хотя ему было трудно отвести взгляд от лица собеседника. Похоже, слухи на базе не были преувеличением.

Цзян Мобай опустил глаза, вчитываясь в содержимое. Это было скорее не письмо, а ключевые заметки, тщательно отобранные из дневника:

«13 мая 2050 года.

База построена, приказано отправиться в генетический отдел. Сын спрятан, нельзя, чтобы верхушка узнала...

24 июля 2051 года.

Силы монстров и одаренных неравны. Запущен проект Рассвет. Цель: создание оружия, превосходящего мутантов.

...

28 февраля 2056 года.

Стал свидетелем экспериментов на живых людях. Время критическое...

13 мая 2056 года.

Проект Рассвет увенчался успехом.

30 августа 2056 года.

Слежка обнаружена. Иного выбора нет, остается лишь вина перед ребенком.

30 августа 2056 года.

Человечество пережило слишком много страданий. Жду света перед рассветом».

Подпись: Цзи Чучжун.

Ниже шли строки помельче: «Моего ребенка зовут Цзи Сюньмо. Мы с женой уже вдохнули аномальную энергию, боюсь, нам недолго осталось. Пусть это письмо поможет человечеству увидеть рассвет».

Взгляд Цзян Мобая задержался на словах «Проект Рассвет» и «эксперименты на людях». Ему был известен «Эксперимент тысячи людей» — именно так официально называлось создание Судей-исполнителей.

«Проект Рассвет»... был ли он предшественником или чем-то иным? А эксперименты... он бессознательно потерял край письма кончиками пальцев.

В конверте также лежали несколько размытых фотографий и сложенная, пожелтевшая копия архивного документа. На фото были запечатлены жуткие сцены испытаний и... семейное фото из трех человек. В документе было четко указано, что Цзи Чучжун и Линь Сюэ были исследователями генетического отдела и участвовали в «Эксперименте тысячи людей».

Цзян Мобай узнал людей на фотографии. В тот момент, когда он очнулся в экспериментальной капсуле, в его затуманенном сознании, казалось, мелькали их лица. А Цзи Чучжун... профессор Цзян, создавший его, кажется, имел лишь одного такого ученика.

Объем информации был огромен, и в нем чувствовался след намеренного руководства. Это было похоже на тщательно подготовленное... завещание и просьбу позаботиться о сыне.

Он спрятал письмо и снова посмотрел на подростка. Тот странный, теплый резонанс продолжался, становясь отчетливее по мере сокращения дистанции. Это чувство было ему чуждо, но он не отторгал его, даже... жаждал.

В то же время он остро заметил осколок стекла, скрытый на поясице мальчика, и инстинктивное напряжение мышц правой ноги, когда он подошел ближе. Это была не тренировка, а чутье на опасность, отточенное на грани жизни и смерти.

Драгоценный талант.

Цзян Мобай присел, чтобы поравняться с мальчиком. Это движение далось ему с трудом. Он посмотрел в слишком яркие глаза Цзи Сюньмо и заговорил чуть медленнее:

— Я помогу тебе их найти, — он помолчал и выбрал более осторожную формулировку. — Но сейчас, ты готов пойти со мной?

Цзи Сюньмо промолчал. Он смотрел на безупречные черты лица Цзян Мобая, словно сквозь него видел далекие, размытые очертания родителей. Прошло несколько секунд, может, больше, и он решительно, с силой кивнул.

Цзян Мобай помедлил, поднял руку и как-то неловко, осторожно коснулся грязных волос Цзи Сюньмо. Ощущение под ладонью было грубым и хрупким. Мальчик мгновенно напрягся, но тут же начал медленно, осторожно расслабляться.

И в этот момент магнитный осколок в его груди, до этого непрерывно пульсировавший, странным образом затих. словно одинокая лодка, долго скитавшаяся по волнам, наконец нашла тихую гавань.

Лишь когда он вместе с Цзи Сюньмо сел в поезд, направляющийся в центральный район, Цзян Мобай смутно осознал план Цзи Чучжуна. Это письмо, архивные документы, фотографии и этот ребенок... всё это походило на филигранно разыгранную партию. Тот, кто отправил письмо, и тот, кто его получил — каждый шаг, казалось, был предвиден тем мужчиной, которого он так и не встретил.

А Цзи Сюньмо тихо сидел у окна несущегося поезда, наблюдая, как пейзаж за окном меняется из пустынного в упорядоченный. Он не винил родителей за то, что они годами прятали его в четырех стенах. Они дали ему жизнь, а на пороге смерти проложили для него путь в огромный мир — полный терний, но и полный возможностей.

Он найдет их, он найдет правду, даже если впереди ждет лишь глубокая тьма.

...

Когда в невероятно чистой ванной комнате дома Цзян Мобая он посмотрел в зеркало на себя, преобразившегося, слово «Судья-исполнитель» обрело в его сознании конкретный, теплый и холодный одновременно образ.

Он не знал лишь одного: новость о том, что Судья Цзян Мобай подобрал ребенка, с невероятной скоростью распространялась среди четырех других Судей, устремляясь в совершенно непредсказуемом направлении.

<http://bllate.org/book/24358/2837708>